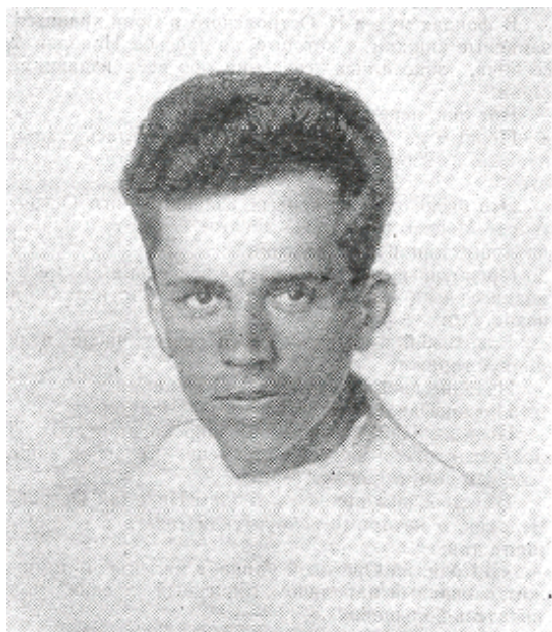

Л. БОЛЬШАКОВ

ТЕТРАДЬ Николая Островского

*Корчагинцам наших дней честь
пятидесятилетия ВЛКСМ посвящается*

ВСТУПЛЕНИЕ

Эту Тетрадь, со всеми ее записями и иллюстрациями, подготовил уральский литератор и журналист Леонид Большаков.

Вскоре после того, как на XV съезде ВЛКСМ Николай Островский был назван первым лауреатом премии Ленинского комсомола, отправился он в путь по местам жизненного подвига писателя-бойца.

И вот - результат поездок...

В необычной Тетради, которую вы сейчас раскрыли, не стоит искать общеизвестных сведений об Островском - их можно найти и прочесть во многих книгах, от школьных учебников до научных монографий.

Тут, в основном,, новое, читателю известное мало или неизвестное вовсе.

К новым относятся материалы путешествия-обозрения "Идет Корчагин по Уралу..." Они извлечены автором из фондов Государственного музея Николая Островского в Сочи; некоторые находки сделаны непосредственно в наших краях. Впервые публикуются письма уральцев к писателю-бойцу.

"Из фондов Музея Н- Островского" - такова рубрика, обращающая ваше внимание и на воспоминания о нем, и на семейные реликвии - например, стихи его матери.

Заманчива^ рубрика "Неопубликованный Остров-скип". Под ней - не попавшие еще в тома сочинений материалы из его литературного наследия.

Наконец, интервью. Интересные записи появились в результате встреч с женой писателя Р. П. Островской, с его бывшим секретарем А. П. Лазаревой.

...Но читайте сами - Тетрадь перед вами,

Тетрадь Николая Островского.,.

МЫ СМЕЛО ИДЕМ ЗА СТАРОЙ ГВАРДИЕЙ

Выступление на новоселье 18 октября 1936 года

Николай Островский собирался в Москву, навстречу большой и упорной работе над "Рожденными бурей". До выезда оставались считанные дни. Один из них он посвятил приятному семейному торжеству - новоселью.

Еще в мае Николай Алексеевич поселился в доме, построенном для него правительством. Но только в октябре смог он созвать друзей - ранее мешали то занятость литературным трудом, то ухудшение состояния здоровья. Очень хотелось ему, чтобы на новоселье присутствовал глубоко почитаемый им человек - испытанный боец ленинской когорты Григорий Иванович Петровский, который годом ранее вручил Островскому орден Ленина. И вот председатель Центрального Исполнительного Комитета Украины Г. И. Петровский вновь приехал в Сочи. Новоселье состоялось 18 октября 1936 года.

Такова, коротко, история не публиковавшегося прежде выступления писателя-бойца, которое печатается ниже с небольшими сокращениями. Оно было записано его секретарем А. П. Лазаревой и хранится в фондах Государственного музея Николая Островского в Сочи - музея, который открыт в том самом доме, где и проходило новоселье...

- Если Григорий Иванович разрешит, то я скажу несколько слов собравшимся здесь друзьям.

ЕСТЬ такая старая традиция: при закладке дома в фундамент его заложить бутылку с бумагой, где указана дата закладки. Прошлый год такая бутылка была заложена в фундамент этого дома Григорием Ивановичем, нашим вождем и" другом, воспитателем комсомольского племени, в том числе и своего приемного сынишки, который старается быть достойным его забот, старается оправдать огромное его доверие.

Прошел год с тех пор. Год жизни, полной страстной и напряженной работы всей страны, полной Изумительных побед. Мы стремительно движемся к новой радостной, чудесной жизни. Вся страна и каждый из-нас в отдельности живем с большим духовным размахом.

...Вернувшись в Сочи*, я накинулся на работу. Поскольку я парень очень ненадежный, а "Рожденные бурей" должны быть во что бы то ни стало написаны, я не даю себе никакой отсрочки в работе и успокоюсь только тогда, когда книга будет закончена.

Ведь для меня делается все. Товарищи, мы только еще идем к коммунизму, а для меня уже созданы такие условия в жизни, какие будут в коммунистическом обществе. От меня по способности, а мне дается по потребности. Для меня уже настала та жизнь, которая для всех является прекрасным будущим...

Самый счастливый человек это тот, кто, засыпая, может сказать, что день прожит не напрасно, что он оправдан трудом.

Недавно мне исполнилось тридцать два года. Из них восемнадцать лет отданы комсомолу и тринадцать лет - партии.

Я буду стараться жить как можно дольше и* как можно лучше...

Я должен жить, чтобы написать книгу, которая бы зажгла сердца молодежи.

Я еду в Москву и начну там работать еще стремительней, чем раньше. Я буду работать в три смены, чтобы к двадцатой годовщине Октября "Рожденные бурей" были бы полностью закончены. Это огромная и трудная, но небывало радостная работа. И я никогда не думал, что жизнь может быть такой чудесной. Я со всей страстью чувствую это. Этой жизни мы добились потому, что у нас были чудесные, могучие люди, которые научили юношей бороться с врагами, воспитали в них любовь к прекрасному будущему и научили за негр бороться.

Без них, без этой старой гвардии ие было бы нас, не было бы комсомола. И мы им за все это безмерно благодарны. Григорий Иванович - один из достойных представителей этой героической и славной старой гвардии большевиков.

Да здравствует старая гвардия!..

А мы отдадим всю кровь своего сердца по первому их слову. Мы смело идем за ними, мы верим, что с ними победим!..

Это выступление - одна из последних речей Николая Островского.

Четыре дня спустя, 22 октября, он выехал в Москву и там через два месяца - 22 декабря 1936 года умер.

ИДЕТ ПО УРАЛУ КОРЧАГИН...

Путешествие-обозрение

1. ПИСЬМО ИЗ ИРБИТА

В Государственном музее Николая Островского в Сочи не очень давно появилась новая витрина. Там-то и выставлено для обозрения письмо из Ирбита.

Прочтем его вместе:

"Дорогие друзья!

Мы разделяем с Вами радость по поводу присуждения Николаю Алексеевичу Островскому премии Ленин-оского комсомола.

Гордимся, что среди первых лауреатов правофланговым - Николаи Островский, а его душа и сердце - "Как закалялась сталь" продолжает служить путеводителем к дому Н. Островского

Мы, ирбитчане, жители города, где в годы Великой Отечественной войны впервые в Советском Союзе было начато движение корчагинцев, торжествуем, радуясь еще одной победе бойца; идущего только вперед, только на линию огня и* никуда иначе...

Пусть же и впредь, еще ярче, горит огонь пламенных сердец, зажженный вечно живым Николаем Островским!"

Писем и телеграмм в связи с присуждением Островскому первой комсомольской премии мы получили множество, - говорит директор музея Александр Алексеевич Канунни'ков. - Они шли весной и летом, они продолжают поступать сейчас. Но это... (он указывает на письмо из Ирбита, подписанное ветеранами и вожаками комсомолии города), это пришло первым. Будто между Уралом и Черноморьем нет, не существует тысячекилометровых расстояний.

- А ведь и впрямь: расстояния - понятие условное, - продолжает собеседник. - На Урале всегда слышали биение сердца Островского, а он, слепой и недвижимый, как бы видел, что делается, скажем, на Магнитке, и лично - да, лично! - участвовал в горячей стройке, которая разворачивалась по всему Уралу.

...Вот с этого, совсем недавнего письма ирбитчан и началось наше путешествие по неизведанной еще теме: Николай Островский и уральцы.

Путешествие, которое привело ко многим встречам-знакомствам...

2. ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАХОДКИ

Впрочем, одна из встреч состоялась раньше, и не в Сочи, а в Оренбурге. Произошло это так.

В областной краеведческий музей пришла техник "Оренбургэнерго" Вера Петровна Брусиловская и принесла довольно старый уже, издавший виды томик.

- Заглянула в букинистический магазин, и вот...- сказала она, раскрывая книгу.

Это было четвертое издание романа "Как Закалилась сталь", выпущенное в 1935 году в Ростове-на-Дону.

Прижизненные издания произведений писателей уже сами по себе вызывают трепетный интерес книголюбов. Тут же-было нечто еще и по особому волнующее: письмо Николая Островского:

"Уважаемый т. Тузилин.

Посылаю Вам настоящие шити, по которым прошу делать набор для Вашего издания. Одновременно с этим, спешным письмом посылаю Вам предисловие Г. И. Петровского к настоящей книге и перечень опечаток и искажений, которые необходимо исправить.

Ваше издание будет двадцатым, о чем необходимо сделать указание в издаваемой Вами' книге.

С ком. Приветом Н. Островский".

По его указанию, с его подписью-факсимиле письмо было отправлено из Москвы в Оренбург 13 февраля 1936 года. В оди'н из дней напряженной работы над новым романом "Рожденные бурей" - дней, когда Островский с особой радостью ощутил возвращение в строй активных бойцов: Политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии взяло его на учет как политработника с присвоением звания бригадного комиссара.

Каждое новое издание "Как закалялась сталь" живо интересовало и по-настоящему волновало Николая Алексеевича. Ведь оно прибавляло книге читателей - тех, ради кого им и вершился беспримерный жизненный подвиг... Письмо Григорию Степановичу Тузилину - старейшему издательскому работнику Оренбуржья, который руководил в то время всей полиграфией области, еще и еще раз подтверждало такую заинтересованность.

Конечно, книга, обнаруженная у букинистов, заинтересовала музейных работников. И Вера Петровна с удовольствием передала свое приобретение в дар музею.

А вскоре рядом с экземпляром, присланным в Оренбург: самим автором, бтал еще Один том - издание, осуществленное в 1936 году типографией газеты "Оренбургская коммуна", с портретом писателя и тем самым предисловием, которое посылал Островский.

"По просьбе издательства, - начинал его Григорий Иванович Петровски'й, - с большой охотой берусь писать вступительную статью к роману молодого орденосного писателя Н. А. Островского "Как закалялась сталь", ибо значение этой книги для героического, коммунистического воспитания советской молодежи огромно..."

И какое неподдельное волнение звучало в словах старейшего большевика-ленинца:

"Медицина еще бессильна восстановить здоровье Н. Островского. Но он не выбит из строя. Мужественно он побеждает болезнь, живет, творит и еще долго будет творить на пользу социализма".

3. ЛИСТАЯ ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Николай Островский родился, вырос, воевал на Украине. Болезнь свалила его с ног совсем молодым. Лечась, он побывал в разных местах побережья южных морей. Свои'ми родными домами он считал Сочи и Москву.

На Урал Островский пришел двадцативосьмилетним.

Его привел сюда Павка Корчагин...

Уже в те самые дни, когда в города и села Урала начали прибывать номера журнала "Молодая гвардия" с главами романа "Как закалялась сталь", наши земляки получили возможность по достоинству оценить светлый, жизнеутверждающий талант и' негибимое мужество безвестного дотоле писателя.

Павка... Корчагин... Николай Островский..., Эти имена вдруг стали для людей самыми близкими и дорогими.

За немногими экземплярами журнала записывались в очередь... Газеты перепечатывали1 наиболее яркие эпизоды... "Как закалялаеь сТаль" вошла в программу радиопередач...

- Дашь книгу!

- Корчагина!

Издания обгоняли одно другое и все-таки не поспевали за опросом...

В фондах музея Н. Островского в Сочи хранятся две записные книжки, в которые, по просьбе Николая Алексеевича, заносились сведения обо всех изданиях романа.

Вот они, перед нами.

Первым иа Урале книгу "Как закалялась сталь" выпустило в 1936 году Свердловское областное издательство'.

Это было одно из первых изданий Книги Островского вне Москвы, но уже десятое по счету с начала печатной истории произведения.

Оренбург выпустил; книгу несколькими месяцами позднее, а на титульной листе -Значилось: издание двадцатое.

Год 1936-й продолжается, и растет число изданий, растут тиражи.

Издание двадцать третье - Башкирия...

Издание двадцать четвертое Челябинск...

Шествие Павки Корчагина широко, победно. Понадобилось совсем немного времени, чтобы он вошел а каждый дом, в каждое сердце.

Вместе с ним пришел к людям Николай Островский. Человек, о котором оренбургская газета в те дни сообщала так:

"В Сочи, на Ореховой улице, в маленьком домике лежит скованный параличом, лишенный зрения молодой писатель-большевик..."

4. ВЫ НАШЛИ СЕБЕ ФРОНТ

И хлынул на Ореховую поток писем!

Да только ли по этому адресу?

Писали в Центральный Комитет партии и Центральный Комитет комсомола, в редакции газет и журналов.

Писали вовсе без адресов: "Николаю Островскому" и даже "Павлу Корчагину".

А письма доходили...

"...Я нг нахожу слов благодарности Вам за произведение "Как закалялась сталь"... Вы нашли себе место, Вы нашли себе фронт, и с новым оружием Вы непобедимы... Привет от заводской молодежи Алапаевска...

Рабочий М. Иванов".

"...Только что закончил читать "Как закалялась сталь". Произведение захватывающее!.. Оно вселяет новые си'лы для борьбы с трудностями, для сплочения вокруг нашей родной партии, комсомола, воспитавших таких, как Павел Корчагин... Добьюсь, чтобы это, воспитывающее молодежь, произведение прочитал каждый комсомолец района. Секретарь Каргопольского райкома ВЛКСМ, Челябинской области, В. Бояринов".

"...Твой образ, твое слово' поднимает нас на битву. Твоя книга учит самой нежной любви и самой яростной ненависти... Когда читал, иной раз слезы подкатывали, а прочел и крикнуть хочется: "Слава партии, рождающей таких сынов! Слава тебе, наш орденосный Островский!"" Крепко, крепко жму руку и с громадным нг-герлением жду "Рожденных бурей". Политработник Красной Армии Ю. Кокорев. Свердловск".

"...Это произведение, говоря языком фармацевта, имеет лучшие, более полноценные действующие- начала, чем любые лекарства... Человека свалившегося оно моментально поднимает на ноги, с полной ясностью мировоззрения... Работница аптеки Князева. Ирбкт".

"...Тебя, верного сына ленинской партии и дважды краснознаменного комсомола, тебя, создавшего прекрасную книгу, приветствуют комсомольцы Перми", собравшиеся на юбилейную конференцию читателей "Комсомольской правды". Мы любим твою книгу, по ней учимся смелости, мужеству, любви и преданности делу великой партии Ленина... Обещаем твою книгу сделать достоянием всей организации*. Еще раз приветствуем мужественного большевика! Президиум конференции".

"...Сегодня мы, комсомольцы и рабочая молодежь Сйнарского узла Южноуральской железной дороги, собрались на литературный вечер, посвященный разбору твоего талантливого произведения "Как закалялась сталь"... Железнодорожная молодежь благодарит тебя за эту замечательную книгу, в которой ты показал образцы героизма, мужества, самоотверженности и' стальной несокрушимости... Твое произведение поможет и нам выковать в себе такие качества, Привет от участников вечера. А. Возчиков, Папшин, П. Третьяков, Лоскутова, Старикова".

"...Вашу книгу сейчас читают в самы& глухих уголках Башкирии, нашей орденосной республики, в Уральских горах, в казахских аулах... Знайте, что Вы нам всем очень дороги... Дм. Швецов. Уфа".

"...Вечно доротой, вечно близкий, вечно великий, друг-боец! Я не могу воздержаться от этого письма, не могу не выразить свою глубочайшую признательность тебе, неукротимому, бойцу революции... Историческое значение книги "Как закалялась сталь"! настолько велй*-ко, что сейчас это трудно даже представить. Оно во сто крат сильнее многих других произведений и' его не забудет ни одно будущее поколение... Это учебник - другого названия не придумаешь... Агроном Г. Смирнов. Зерносовхоз "Маяк", Оренбургской области"...

Письма - без комментариев: а ни-х они и не нужда-ются|я.

Просто немногие письма наших земляков, взятые наугад из огромной почты Николая Островского.

Она еще не стала достоянием печати, ее только-только разбирают. И" находясь в Сочи, приходилось видеть, как, регистрируя эти простые человеческие документы, подолгу задумывалась над ними Валентина Викторовна Зимницкая и как трудно бывало ей, заведующей фондами музея, .сдержать волнение, вызванное бесхитростными строчками.

5. ЗОВУЩЕЕ К ТРУДУ

"Александра Петровна читает письма. Они идут ко мне со всех концов необъятного Советского Союза... Тысячи этих писем, бережно разложенных в папки, - самое дорогое мое сокровище. Кто же пишет? Все. Рабочая молодежь фабрик и заводов, моряки - балтийцы и черноморцы, летчики и пионеры - все спешат высказать свою мысль, рассказать о чувствах, разбуженных книгой. И каждое письмо чему-то учит и чем-то обогащает. Вот оно, письмо, зовущее к труду: "Дорогой товарищ Островский! Мы с нетерпением ждем твоего нового романа "Рожденные бурей". Пиши его'скорей. Ты должен сделать его прекрасно. Помни, мы ждем эту книгу. Желаем тебе здоровья и большой удачи. Рабочие Бе-резниковского аммиачного завода..."

Это строки из статьи Николая Островского, написанной в сентябре 1935 года для сборника "День мира".

"Письмо, зовущее к труду..." Как не гордиться, что так сказано о письме уральцев - наших с вами, друзья, земляков!

На страницах этой Тетради вы найдете воспоминания Паши Ореховой - библиотекаря! из Березников, которая бывала у Островского, подолгу с ним разговаривала, а затем вела активнейшую работу по пропаганде романа "Как закалялась сталь" среди читателей родного уральского города. Пересказывать ее воспоминания не к чему, а дополнить нелишне.

.Вот одно из писем березниковцев, посланное писателю в тридцать пятом, - в мае.

Своему "родному комсомольцу", который служит для всех "примером преданного, стойкого большевика, до конца отдавшего себя делу рабочего класса", рассказывают молодые химики о заводе, созданном собственными руками, об освоении технологии производства, о росте людей. Особ'енно - о росте. И, конечно, Островский радовался, слушая о том, что среди заводской молодежи 170 юношей и девушек "с образованием семилетки и ФЗУ", 15 инженеров и 21 техник - "тогда как два года назад мы считали большим достижением иметь комсомольца инженера или техника".

Теперь, когда среди рабочей молодежи редко встре-тишь человека с семиклассным образованием, когда основная масса ее имеет за плечами среднюю школу или техникум, когда год от года растет армия инженерии, а учење приобрело широчайший, всеохватывающий размах, приведенные в письме цифры кажутся незначительными. Но в них - дыхание первых пятилеток, пульс большой, кипучей жизни.

Этот пульс хорошо чувствовал Николай Островский.

Дадим же вновь слово ему. Пусть зазвучит голос писателя, прямо обращенный к комсомольцам аммиачного завода в (Березниках): .

-...Всех нас объединяет, вдохновляет и зовет к борьбе и" труду единая цель, и победа одного из бойцов ве-'ликой нашей армии строителей социализма есть общая победа, так же, как и общая победа есть личная радость каждого из нас. Этого не знал старый, проклятый мир".

"...Фашизм безнадежно попытается разгромить нашу страну, И вам, второму поколению комсомола, придется грудь с грудью столкнуться в последнем и решительном бою с этим проклятием человечества. Мы, старые комсомольцы, почти детьми дрались рядом со своими* отцами за власть Советов. Нет у нас большей гордости, как сознание, что в этой борьбе мы были достойными сынами своего класса".

"...Нужно только понять и почувствовать всю героич-"ость того, что мы с вами делаем. Тогда никакие трудности и лишения не смутят нас. Мы уже победили окончательно и навсегда в своей стране... Будущее принадлежит нам - так же, как и героическое настоящее".

"...Привет вам, мои молодые товарищи! Вы деретесь не хуже нас. И когда надо будет взяться за оружие, то вы покроете себя неуязвимой славой и укрепите своими руками красные штандарты в Берлиде, там, где мы не смогли их укрепить в 20-м. Борьба продолжается. Каждый из нас на посту и делает свое дело".

Так думал, так говорил Островский.

И поделился сокровенным он с комсомольцами1 Урала.

6. ПО СТАРЫМ АДРЕСАМ

Письмо "Комитету и комсомольцам аммиачного завода в г. Березниках", датированное 13-м марта 1935 года, не очень давно было напечатано в сборнике материалов о Николае Островском, выпущенном Краснодарским книжным издательством.

Это, пожалуй, единственное письмо самого Островского к уральцам, увидевшее пока свет в собраниях сочинений писателя.

Н. Островский у микрофона. Сочи. 1935 г.

А он отвечал своим многочисленным корреспондентам - и не только коллективам, но и отдельным людям. Пусть коротко, несколькими строчками, но отвечал.

..."Добрый день, милая товарищ Павловская! Горком партии передал мне ваше письмо. Крепко жму вашу руку.

Я неожиданно захворал самым бессовестным образом. Эскулапы наложили на меня свою руку, запретили работать. И я пользуюсь неожиданным отпуском для писания писем. Хоть пару слов. Дело ведь не в количестве!

Когда снимут осадное положение, напишу больше. Всего хорошего, моя родная! Крепко жму вашу руку.

С ком. Приветом Николай Островский".

Такое письмо прибыло в Оренбург летом 1935 года. Оно было адресовано комсомолке Н. Павловской, работавшей инспектором политпросветработы в областном отделе народного образования.

Под впечатлением только что прочитанной книги "Как закалялась сталь" она через Сочинский горком партии написала взволнованное письмо автору и получила ответ, о котором тогда же сообщила областная газета. В газете оно и затерялось. А с годами затерялись и следы самой Павловской. Где она сейчас? Может откликнется?

Приходили письма Островского во многие, многие города и села Урала. Найти бы их - хоть некоторые, хоть часть...

Поищем?

Прочтем, что писал он металлургам Магнитки, тракторостроителям Челябинска, строителям Орска, студентам Свердловска, и просто читателям - в Перми и Тюмени, в районном центре Оренбуржья и далеком селе Башкирии.

Как нигашку в поисках, возьмем себе на заметку еще несколько фамилий корреспондентов Николая Островского 1935-1936 годов:

Лидия Абрамова - заведующая кинобазой в Челябинской области;

Ал. Терехов и Я. Будков - колхозники с. Буланово, Оренбургской области;

Георгий Конопюк - мастер механосборочного цеха Челябинского тракторного;

Нина Гриценко - ученица 9-го класса Оренбургской школы № 24...

Прошло тридцать лет, состарились даже тогдашние девятиклассницы, иных людей уже нет - погибли, умерли. Но... находят же материалы куда более давние, отдаленные от нас веками!

...Ну, а теперь пойдём дальше и раскроем еще несколько страниц дружбы.

7. ВСЕГДА РЯДОМ

Война!..

Николая Островского в живых уже не было: он умер в декабре тридцать шестого.

Тогда, над могилой любимого своего писателя и героя, тысячи и тысячи молодых (да и не только молодых) советских людей поклялись жить, гореть, бороться, как он, как его Павка.

До Последней капли крови...

До последнего вздоха...

И если враг

Границы тронет,

Настанет час,

Как смерть, суров.

Нас понесут

Лихие кони

Сильнее

Северных ветров.

И знай,

Что в бешеном аллюре

Пройдем мы

В радостную даль,

Рожденные

Великой бурей

И закаленные,

Как сталь.

Эти* строки из стихотворения уральского поэта Николая Клементьева - одна из многих стихотворных клятв, прозвучавших в скорбные дни прощания с Островским.

И вот пришла пора самых трудных жизненных испытаний.

Ушли на фронт миллионы читателей "Как закалялась сталь" и "Рожденных бурей", по первому зову Родины ставшие в военный строй.

Отправились на войну Корчагин и его друзья: в походных сумках и вещевых мешках фронтовиков начался их путь дорогами битв.

Поговорите с бывшими воинами-добровольцами Уральского танкового корпуса. Много порасскажут они о том, как в самые тяжелые минуты рядом с ними¹ оказывались герои Николая Островского и будто приходило подкрепление - для дальнейшей борьбы, для новых атак.

Расспросите уральских танкостроителей... Ну, хотя бы бригадира первой в стране Комсомольске-молодежной фронтовой бригады Михаила Попова (он работает сейчас в Орске, на орденоносном Южуралмаше). "...Единственной книгой, которую мы тогда читали, была "Как закалялась сталь". Спали" по два-три часа в сутки, но стало потребностью - хоть на десять, на пятнадцать минут взять в руки этот затрепанный уже томик. Перечитаешь наиболее полюбившиеся страницы и вроде меньше чувствуется усталость..."

Как друг, приходил Павка Корчагин в военные уральские госпитали. В одном из залов музея Н. Островского в Сочи висит фотография Героя Советского Союза Зинаиды Тусноловой-Марченко. 128 бойцов и офицеров вынесла она с полей битв. Однажды, спасая командира, Зина была сама тяжело ранена. На двадцать третьем году жизни осталась она без ног и рук. Кто не поймет ее отчаяния? "Нужно ли жить? Для чего?" - спрашивала себя девушка. Но вот на ее тумбочке в свердловском госпитале оказалась книга "Как закалялась сталь", и пришло другое настроение, ушла безысходность. "Книгу я читала сама. Листы переворачивала губами. С каждой прочитанной страницей как бы чувствовала себя сильней. А когда дочитала, больше никто не видел у меня ни одной слезинки. Решила жить. Врачи сделали мне протезы, специальную манжетку для рук. Я научилась ходить и писать". Сейчас у героини

есть все для счастья: работа, семья, дети, уважение и любовь народа...

Николай Островский жил-и живет-в таких людях. А их - множество!

8. БОРЧАГИНЦЫ

Вернемся,, однако, к письму из Ирбита - тому, с которого наше путешествие началось.

Этот город в биографию вечной славы Николая Островского вошел как родина движения корчагинцев трудового фронта. Ему суждено было стать живым откликом на героические дела корчагинцев-воинов.

Во многих частях этим именем называли' самых бесстрашных, самых отважных. И вот - "Протокол № 1 заседания жюри по итогам движения корчагинцев в июле 1944 года". Именно в этом документе, ставшем сейчас достоянием истории, названы те, кто получили право именоваться корчагинцами первыми на Урале.

Илларион Туханов... Бригадир каменщиков, который свое месячное задание выполнил на 218 процентов, а вместе с бригадой добился того, что капитальный ремонт одной из печей был проведен за 16 часов вместо 12 дней... Инициатор борьбы за экономное расходование материалов и умелый учитель новичков: двое его учеников уже в процессе обучения стали перевыполнять нормы, и немало...

Ничуть не меньше можно было бы сказать о командирах фронтовых бригад Антонине Федоровой и Ольге Семеновой, о Вере Юрьевой, шлифовщице, о Бисакуре Карацеве, прессовщике... о каждом из первых корчагинцев завода. К присвоению почетного звания подходили строго: вот и в первый раз представляли двадцать шесть, а удостоили одиннадцать.

Знаменательному событию был посвящен специальный бюллетень, который быстро разошелся по заводу, по городу.

А весть о почине ирбитчан мигом облетела всю страну, вызвав поистине массовый поход за честь и право носить имя корчагинца.

Скоро их стали тысячи...

...Запевалы не забыты. Фотографии героев военного Йрбита висят на стене музея Николая Островского рядом со снимком, на котором запечатлена прославленная героиня фронта, уже знакомая нам Зина Туснолобова...

9. ФАКЕЛ ГОРИТ

- В этот самый священный день нашей юности о- день вступления в ряды Ленинского комсомола - мы клянемся в своей верности славным традициям комсо-мольцев-корчагинцев. Время ставит перед нами* самую великую задачу - построение коммунизма. Мы клянемся, что с честью выполним ее... Своим великим подвигом, Павка, ты зажег пламя жизни", факел бессмертия, и как эстафету передал его в руки следующих поколений. Теперь этот факел в наших руках. Мы клянемся, что он не погаснет!

Так звучит клятва юных корчагинцев свердловской школы № 43.

Ее готовы повторить всюду.

Да, факел, зажженный горячем сердцем Корчагина-Островского, не погасить вовек!

...Улицы, площади, школы, клубы, колхозы и совхозы имени Николая Островского во множестве встретишь сейчас на Урале.

Открываются новые памятники. Ребята из челябинской школы № 48 воздвигли такой памятник на заработанные ими деньги и каждую годовщину со дня рождения Островского отмечают здесь как "День чести".

Романы писателя выходят издание за изданием. В послевоенные годы они выходили и в Перми, и в Свердловске, и в Челябинске. Да какими тиражами! Челябинский выпуск "Рожденных бурей" разошелся по нашему краю ста тысячами экземпляров.

Островского читают, его жизнь берут за образец.

"Мы много узнали о жизни великого писателя... Коробейниковы, Миасс".

"Все это учит нас мужеству, стойкости, непреклонной вере в светлое будущее. Туристы из Челябинска".

"Сколько будут жить люди на земле, столько они будут помнить и любить Островского. Брайцева и Пи-щанская. Магнитогорск".

Это лишь несколько записей в "Книге отзывов": музея Н. Островского.

Каждый день можно встретить здесь гостей с Урала. По возвращении они создают музеи у себя на заводах, в школах. Сколько их нынче в нашем краю, таких музеев !..

В дни, когда нам довелось быть в Сочи,, там получили новинку. Речь идет о книге "Корчапшцы пяти континентов", выпущенной Пермским издательством. Анатолий Осипов, судьба которого- в чем-то схожа с судьбой Островского, назвал ее историей поисков, находок и встреч с интересными людьми. Влюбленный в Николая Островского, который помог ему найти выход из жизненного тупика, он собрал богатейший материал о мировой славе Корчагина.

- Эта квартира в Перми теперь как бы наш филиал, - говорят в Доме Островского на Черноморском побережье.

Ну как не порадоваться, слыша такое?..

...Идет по Уралу Корчагин.

Идет со славой!

ВОПРОСЫ КОММУНИСТУ

Много¹, очень много должен знать активный строитель новой жизни. Немыслим он и без знакомства со всем тем лучшим, что создано писателями-классиками и современниками.

И когда в 1935 году Сочинский горком парти'и поручил коммунисту Островскому принять участие в проверке знаний членов городской партийной организаций¹, он на какое-то время отложил все свои дела и продумал-продиктовал "Вопросы коммунисту".

Это не статья и даже не письмо. Но как точно, метко характеризует составленная Николаем Алексеевичем анкета круг литературных интересов и Островского, и Корчагина!

Со временем, надо полагать, печатаемое тут своеобразное произведение писателя-героя займет свое - и достойное - место среди его публицистики.

Итак, читайте "Вопросы коммунисту"...

1. Что Вы читали из следующих книг советских авторов:

"Мать"

"Мои' универстеты"

"В людях"

"Дело Артамоновых"

"Поднятая целип.т>

"Бруски" (три тома)

"Станица"

М. Горького Его же Его же Его же М. Шолохова Ф. Панферова В. Станекого

ЕГО же И. Шухова А. Серафимовича Д. Фурманова Его же Новикова-Прибоя М. Шолохова А. Толстого Л. Соболева Б. Ясенского В. Катаева А. Авдеенко А. Фадеева Чапыгина Б. Лавренева Ю. Либединского Ф. Гладкова.

"Разбег"

"Ненависть"

"Железный поток"

"Чапаев"

«Мятеж»

"Цусима"

"Тихий Дон"

"Петр Первый"

"Капитальный ремонт"

"Чело-век меняет кожу"

"Время, вперед"

"Я люблю"

"Разгром"

"Степан Разин"

"Рассказ о простой вещи"

"Неделя"

"Цемент"

2. Какие произведения советской литературы читали Вы еще, кроме перечисленных выше?

3. Какие из следующих произведений русских классиков Вы читали:

Льва Толстого-

Его же

Его же

Н. В. Гоголя

Его же Его же Гончарова Его же Тургенева Его же

Достоевского

"Война и мир" "Анна Каренина" "Воскресение") "Мертвые души" "Старосветские

помещики" "Тарас Бульба" "Обломов" "Обрыв" "Отцы и дети" "Дворянское гнездо"

"Преступление и наказание",

"Братья Карамазовы"

"Поше'хонье"

"Рассказы"

- Его же

- Салтыкова-Щедрина

- А. П. Чехова

4. Укажите, что еще, кроме перечисленных произведений, читали Вы из русской классической литературы?

5. Какие из следующих произведений мировой литературы Вы читали:

"ОВОД" 1

"Спартак" "Джимми Хиггис" "Джунгли"

- Войнич

- Джованьоли

- Эптона Синклера

- Его же

На всех языках. Издания произведений Н. Островского.

Эти вопросы Николая Островского относятся, само собой разумеется, не только к коммунистам города Сочи. Каждый, кто читает и перечитывает его "анкету", невольно проверяет самого себя, свои собственные знания в литературе;

Конечно, многим вопросник покажется не полным. Еще бы - со времени его составления минуло более трех десятилетий и круг чтения намного расширился.

Но, как бы там ни было, а "Вопросы коммунисту" будят мысли, вызывают на раздумья. И если бы по ним, скажем, провести конференцию читателей... О, это была бы очень активная, даже горячая конференция. Сомневаетесь? А вы проведите!

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ Н. ОСТРОВСКОГО

СТИХИ НАПИСАЛА МАТЬ

Немало душевных, исполненных любви* и уважения слов посвятил Николай Островский матери. Он писал о ней в романе "Как закалялась сталь", в письмах к друзьям и близким. А как много сыновней заботы и нежности" в его строках, обращенных к самой Ольге Осиповне!..

Всю свою жизнь она посвятила сыну. Мать пережила Николая на двадцать с лишним лет и до последнего часа не только думала о нем, но и делала все, чтобы подвиг Островского стал достоянием миллионов.

Украдкой - "для себя" - она писала о своем сыне стихи. После ее смерти, последовавшей в 1947-м, стихи остались в том же доме, где некогда были написаны. Не предназначенные для печати", они поныне лежат в архиве и прочесть их можно только там.

Но кто осудит, если мы сейчас напечатаем одно из этих стихотворений? Неумелое? Да. Слабое? Никто не спорит. И все-таки глубоко волнующее. Еще бы - стихи написала мать Николая Островского!

Спи спокойно, Коля милый,

Ведь твои друзья

Каждый день к тебе приходят

Навестить тебя.
С грустью смотрят, где лежал ты
Долгие года,
Писал строки боевые
В темноте, без дня ...
Рано утром спешит мама,
Чтоб в твоём саду
Собрать цветов живых и свежих

К бюсту твоему.
Ставит бережно цветочки
Старческой рукой.
Шепчет тихо: "Это тебе,
Коля мой родной".
Будь спокоен, мой сыночек,
Я всегда с тобой,
Я твой вечный, неразлучный,
Верный часовой.
22 декабря 1939 г.

НИКОЛАЮ ОСТРОВСКОМУ: Из почты 1935-1936 годов

КАКАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ!

28 ноября 1935 г.

Николай Алексеевич!

Как я благодарна Вам за книгу, которую Вы сумели создать! Прочитала роман "Как закалялась сталь", и у меня поднялось разнообразное сочетание чувств. Какая героическая жизнь! Как много самоотверженности в поступках! Если Вы брали пример с "Овода"!, то мне так хочется взять пример с Вас. Вы заражаете энтузиазмом и призывом к упорству в работе.

Я точно проглотила это произведение. Каждая страница захватывала и несла меня туда, за Вами - в бой, на лесозаготовки, в душные, набитые вагоны. В каждой строчке я чувствовала реальную борьбу за цель. Мне даже жаль, что уже конец произведения, что я прочитал; так быстро, но меня сильно торопили, книг очень мала, и мне дали ее только на один день. Конечно, в первый же удобный момент я получу эту книгу еще и снова ее прочитаю, более внимательно. Замечательная вещь!

...Я тоже комсомолка - с 27-го года. С первого года в комсомоле и до настоящего я не отрывалась от непосредственной комсомольской работы: была то ответственным секретарем ячейки, то членом комитета, то членом райкома... Поэтому мне так близко понятие "комсомольский работник", и в течение всей книги мне казалось, что я сама участница всех событий. Уж очень живо, захватывающе написана книга! Сейчас, сразу же начинаю читать "Рожденные бурей".

29 ноября

Читая "Известия", я обрадовалась, встретив сообщение о вручении Вам ордена Ленина т. Г. И. Петровским. У меня снова подступил спазм к горлу...

Рада еще и потому, что из сообщения узнала Ваш адрес. Написанное вчера было в порыве впечатления от прочитанной книги, оно и осталось бы только на страницах моего блокнота...

Желаю Вам непременношего выздоровления, Николай Алексеевич!

С приветом Студентка 5 курса сельскохозяйственного института

ТУМАНОВА Таисия Александровна.

г. Пермь

СПАСИБО ЗА ОТЛИЧНУЮ КНИГУ

Здравствуй, дорогой Николай!

Комсомолы и молодежь горы Магнитной приносят тебе свое дружеское спасибо за отличную книгу, которую мы обсудили сейчас, собравшись в количестве 400 человек на литературный вечер.

Павел Корчагин, главный герой книги, и его прототип - автор книги - являются замечательными образцами" волевого, несгибающегося большевика, настоящего воспитанника комсомола и Коммунистической партии...

Книга заставляет трусов устыдиться своей слабости, воспитывает отвагу, мужество, чувство долга перед Ро-ди'ной в молодом поколении. В этом ценность твоего романа. С нетерпением ждем появления произведения "Как закалялась сталь" на экранах кинотеатров и выхода из печати новой книги "Рожденные бурей".

Мы могли бы, Коля, привести тебе из пашей жизни десятки и сотни примеров того, насколько жизненна и нужна твоя книга. Но мы не хотим утруждать тебя длинным письмом.

Береги свое здоровье, Николай, оно так драгоценно для страны.

Если найдешь время, напиши нам пару Строк. Адрес: Магнитогорск, горнорудное управление, комитет комсомола.

Ну, всего хорошего!

По поручению участников литературного вечера: Чернеев, Дробышевский, Макаров, Крагаполова, Плаксина, Зайцева, Прошин, Гизенко, Суворов, Лысяк, Рабин, Пыхова, Чичулин, Демина, Винокуров, Валеев, Лебедева, Решетняк, Борисик, Иппо-литова.

г. Магнитогорск.

18 декабря 1935 года.

ДО ГЛУБИНЫ ДУШИ

Дорогой товарищ Коля!

Поздравляю тебя с получением высшей награды - ордена Ленина и радуюсь за тебя. Меня до глубины души взволновало это известие. Ведь только в нашей сказочной стране возможна такая вещь. Только у нас так относятся к человеку. Повторяю: я рад за тебя и желаю тебе набраться сил для продолжения писательской деятельности.

Я лучше, чем кто-либо другой, понимаю, какое духовное значение для тебя имеет такое внимательное, даже можно сказать любовное, отношение к тебе со стороны правительства и твоих товарищей. Понимаю я это потому, что сам нахожусь почти в таком же физическом состоянии. Семь лет прошло, как я со школьной скамьи перешел на койку. За это время четыре раза государство давало мне возможность попытаться счастья в различных лечебных учреждениях Ленинграда, Свердловска и других городов, но, к великому сожалению, эти попытки не увенчались успехом.

На мое лечение государством было затрачено несколько тысяч рублей, а что я дал или смогу дать взамен государству, обществу? Ничего.

Вот это тяжело мне. Тяжело, что я бесполезный член общества. Особенно бывает тяжело, когда читаешь в газетах или слушаешь по радио, о славной жизни в нашей стране, о великих делах, творимых Стахановым, Бусыгиным, Марией Демченко и сотнями тысяч их последователей. Эти сообщения вызывают восторг, радость и гордость, и в то же время где-то в глубине души

Н. Островский и А. С. Серафимович. Сочи 1934 г.

чувствуется горечь: "Почему я не могу быть с ними, почему я обречен на бездействие, когда во мне бурлит жажда к творчеству и работе?"

Да, ты, Коля, другое дело. У тебя в прошлом есть полезная деятельность и сейчас ты полезен обществу своими произведениями - потому ты можешь быть равноправным членом общества. А я в свои 25 лет что сделал? Семь лет учился, а теперь семь лет лежу без пользы и в будущем нет никакой

надежды на какую-либо пользу от меня, так как талантом никаким я не обладаю, а к обыкновенному труду физически неспособен. Это значит всю жизнь прожить за чужой счет. Всю жизнь сидеть на шее общества. Тяжело это, тяжелее всякой ноши.

А знаешь, Коля, все-таки мне хочется жить! Глубоко прав был Сергей Миронович Киров, когда он говорил, что в нашей стране "хочется жить и жить". Есть такие интересные, захватывающие книги, которые читаешь и не можешь остановиться, не можешь прервать чтение, пока не дочитаешь до конца. Так и каша страна. Это интереснейшая, захватывающая живая книга с бесконечным множеством страниц-дней, и хочется жить и жить, чтобы "прочсть" как можно больше этих "страниц".

Ну, ладно, довольно. Я хотел только поздравить тебя, а наболтал целую уйму, чем, может быть, затруднил тебя.

Если, Коля, ты имеешь время и желание для переписки, я этому буду бесконечно рад.

С горячим приветом, крепко жму твою руку

Леонид Рождественский.

г. Курган

29 ноября 1935 г.

"И Я СТАРАЮСЬ НЕ ОТСТАВАТЬ ОТ ЖИЗНИ ..."

Дорогой Н. А.!

Разрешите обратиться к Вам с большой просьбой. Дело в том, что я так же, как и Вы, нахожусь вот уже в течение 9 лет на кровати - инвалид труда 1-й группы (совершенно не работают ноги). Но при всем этом я стараюсь <не отставать от жизни: читаю регулярно газеты, литературу и даже время от времени пишу заметки в газету. У меня большое желание попробовать свои силы в области литературы, но я не знаю, как за это взяться, в каком плане нужно готовиться, что в первую очередь читать, как учиться... Вот я и хочу просить Вас: укажите мне путь систематической подготовки и учебы.

...Мне 29 лет и еще не хочется убираться в архив!

С приветом Ст. Бобровников.

г. Пермь

8 октября 1935 г.

ПРИМЕР СТОЙКОСТИ

Дорогой товарищ Островский!

Вы, вероятно, получаете массу писем. Думается, что большинство из них не доходит до Вас, а за неважностью содержания уничтожается, но я все-таки решила написать - даже не зная точно Вашего адреса...

Пишет Вам человек из далекой от Вас Удмуртской автономной республики. У меня к Вам большая просьба - пошлите мне книгу "Как закалялась сталь". Я нигде не могу ее купить, а она мне нужна крайне. Все Ваши портреты, каждая строчка из газет о Вас у меня вырезаны и хранятся, только не хватает Вашей книги...

...О впечатлении", какое она произвела на меня, говорить много не буду, а скажу только, что от нее не хочется отрываться и обидно становится, что есть конец - так бы вот читал, читал и читал без конца. Павла жаль! Хочется плакать, но... стыдно плакать: ведь он же стойко переносит несчастье. Хочется ему помочь, дать своей жизни! Но как помочь?..

Хочется с Вами поговорить - о многом, многом, и хоть бы взглянуть на Вас, пожать Вам руку и сказать большое-большое спасибо за такую книгу!..

Зинаида Андрюкова.

Г, Ижевск, 8 января 1936 г.

ПРИРОДА ОШИБЛАСЬ

Здравствуйтесь, тов. Островский!

Передаю Вам свой пламенный товарищеский привет и наилучшее пожелание в Вашей дальнейшей жизни и работе. Что меня заставило написать Вам письмо? Простите меня, Николай Алексеевич! Быть может, я отнимаю у Вас время, но я должен отблагодарить Вас и поздравить с победой над природой. Она, эта природа, хотела вырвать Вас из рядов Ленинского комсомола, и*з рядов строителей социализма, - но ошиблась!..

Напишу немного о Вашей книге "Как закалялась сталь". Летом, в то время, когда я лежал в постели и врачи запрещали ходить, братишка принес мне вторую часть этой книги. Прочитав первую главу, я очень заинтересовался и дочитал до конца, не отрываясь. Первую часть я достал через полмесяца и с таким же увлечением прочитал. Она мне очень даже понравилась! Недавно к нам в Когиз привезли их ше!сть экземпляров (обе части вместе) и* мне удалось одну взять. Как я был рад! Как я ликовал! Вы даже не представляете! Я тут же пришел и сел читать, читал до четырех с половиной часов!

У меня эту книгу брали читать очень много молодежи, прорабатывали на комсомольских собраниях и дали очень хороший отзыв. Сейчас я перечитываю по несколько раз отдельные моменты, разбираю их до тонкости: корень этого момента и его конечная цель. Да, Ваша книга вернула мне чувство жизни! Она создала во мне такое мнение: нет, у меня еще не все потеряно! Я еще буду нужен своей, прекрасной во всех отношениях, Родине. Я буду, хотя и незаметным, участником строительства социализма!..

Николай Алексеевич! Я напишу коротенько о себе: сейчас я считаюсь допризывником, но очень жалею, что мне не приходится проходить допризывную подготовку и по-видимому не придется побыть в нашей железной, непобедимой Красной Армии. Я не комсомолец. Работал я счетоводом, а последние два года шофером. С 25 мая

35 г. заболел и* поныне, правда с большим улучшением, продолжаю лежать. Во время своей болезни я читал и читаю много книг. Читал "Овод", "Тихий Дон", "Бруски", "Барсуки", "Цусиму", "Мать", "Ненависть" и многие другие. Плохо то, что достать хорошую книгу очень затруднительно...

...Я решил серьезно взяться за самообразование. Ваша книга всколыхнула во мне человеческие чувства, чувства сына такой прекрасной Родины, как Советский Союз- Вас. Николай Алексеевич, как автора такой замечательной книги, как человека, который доказал, что у нас, в Советской стране, нет и не должно быть лишних людей, мечтающих о смерти, - от всей души благодарю.

Заверяю Вас, Николай Алексеевич, что упадничесг-ва во мне никогда не будет, а наоборот: я вступлю в ряды Ленинского комсомола, займусь изучением истории партии, комсомола, трудов Ленина. Да, как хочется жить в нашей стране и в такое прекрасное время!

Да здравствует наша непобедимая Родина! С больш-и'm вниманием буду читать Вашу книгу "Рожденные бурей". Пока до свидания... Желаю успеха в работе над С НОВОЙ КНИГОЙ!

С товарищеским приветом

Михаил Калегаев.

С. Октябрьское, Оренбургской области 1 февраля 1936 года

ВЫ-НАСТОЯЩИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Скоро будет два года, как я не ви'де|Л вас, но- позабыть Вас не смогу никогда. В памяти моей никогда не изгладятся те дни, когда я был в Вашей квартире, сидел около Вашей койки и беседовал с Вами по ряду вопросов. Я в то время был бойцом-пограничником маневренной группы, находящейся в Вашем городе Сочи, и вы, наверное, помните фамилию Евдокимов (Вы звали меня Роман). Иногда мы приходили к вам со Штыковым Яшей, Вы всегда принимали нас (и меня одного) очень ласково и с любовью большой.

И особенно мне врезались в память те дни и минуты, когда я очень легко и с большой радостью прорабатывал путем читки Вашу книгу "Как закалялась сталь" с красноармейцами нашей части, о результатах этого приходил и докладывал Вам, и в этой беседе Вы спрашивали у меня: "Как живут красноармейцы? Как комсомольская организация связана с городским комсомолом и как друг другу помогают они?" Отвечая на эти Ваши вопросы, я думал: "Он болен, но все хочет знать и о всем заботится, это действительный революционер нашего времени". Так я думал тогда. И вот сейчас, т. Островский, скоро будет год, как я демобилизовался из рядов РККА, а Вас не видел около двух лет, но забыть Вас не могу, часто о Вас вспоминаю.

Сейчас я нахожусь на своей родине в Челябинской области... Работаю на комсомольской работе - зам. секретаря и зав. отделом политучебы райкома комсомола. Часто с комсомольцами разговариваю о Вас как о хорошем нашем комсомольском писателе, требую, чтоб все комсомольцы и, в первую очередь, комсомольский актив, прочли Вашу книгу "Как закалялась сталь". На днях при

районной библиотеке организуем коллективную читку Вашей книги. Беда в том, что на весь район всего две книги. Но из положения как-нибудь выйдем.

Коля! Когда я увидел в газетах о награждении Вас высшей наградой, я был очень рад, и поздравляю Вас с такой наградой.

Роман Евдокимов. Челябинская область
КОРЧАГИН ВДОХНОВЛЯЕТ!

Дорогой Николай Алексеевич!

Проработав Ваше произведение "Как закалялась сталь";*, мы очень вдохновлены этой замечательной книгой. Она своими героическими образами комсомольцев - и, прежде всего, в лице героя произведения Павла Корчагина - зажигает революционным энтузиазмом и комсомол нашего института.

Яркий образ Павла Корчагина - этого бесстрашного, смелого комсомольца, закаленного, как сталь, годами революционной борьбы, преодолевшего все трудности, воспитанного в духе славной революционной, большевистской традиции партии Ленина - служит нам, молодым комсомольцам, примером того, как нужно быть до конца преданными делу рабочего класса, примером того, как надо быть стойкими и непоколебимыми большевиками.

Ваше произведение воспитывает в нас любовь к своей Родине, успешно строящей радостную, счастливую жизнь. Мы, конечно, не прошли трудные годы революционной борьбы, как Вы, но Ваш героический пример всегда будет образцом для нас, и если империалистические акулы попытаются осуществить свои агрессивные планы по отношению к нашей Родине, то будьте уверены: мы защитим своей комсомольской кровью Ваши доблестные завоевания...

...Желаем Вам, дорогой Николай Алексеевич, еще больших успехов в творческой работе и с нетерпением ждем выхода Вашего произведения "Рожденные бурей". Просим Вас принять участие в работах нашего X съезда.

С пламенным комсомольским приветом - комсомольская группа Свердловского правового института: Петухов, Валуев, Черненко, Савиных, Зюрин, Прянишников, Рябков, Назаров, Бурдин.

Март, 1936 г.

ВАШИ УСПЕХИ-НАШИ УСПЕХИ

Дорогой тов. Островский!

По инициативе комсомола нашего цеха была организована коллективная читка Вашего произведения "Как закалялась сталь". Читали мы эту волнующую, воспитывающую, замечательную книгу в течение 15 дней, одновременно в 2-х сменах, используя для этого обеденный перерыв. Слушали книгу и "зеленая" молодежь, и рабочие, имеющие 30-летний стаж работы, слушали малограмотные уборщицы и высококвалифицированные работники. Читая книгу, мы развернули массовую работу - работу Осоавиахима, борьбу за качество, борьбу за учебу, за стахановские методы.

С напряжением, все увеличивающимся вниманием мы следили за героем замечательной книги.

Читая о детстве Павки, каждый из нас вспоминал свое детство.

Читая о Павке, герое гражданской войны, мы вспоминали, какое участие часть из нас принимала в схватках с врагами рабочего класса.

Читая страницы Вашей книги о борьбе партии* и комсомола с контрреволюционным троцкизмом, с этим охвостом буржуазии, мы загорались ненавистью к врагам пролетариата.

Читая о борьбе комсомола с разрухой, мы вспоминали свое участие в этом великом ленинском деле...

С глубоким восхищением читали мы о Павке Корчагине - живом, молодом, но закаленном большевике, наделенном мужеством и упорством, присущим только большевику, о том, как он боролся за право быть в строю, идти до конца в общей колонне и победил, несмотря на непередаваемые муки. Мы невольно перебирали и вспоминали, как многих из нас и" наших близких губили чисто личные неполадки - неудачи в любви, нелепая клевета, плохое материальное положение, и сейчас еще у многих они заслоняют общее дело.

Ваша книга заставила нас проверить каждый шаг нашей жизни, посмотреть, а что же сделано нами для общего дела, для счастливого будущего, за которое Павка Корчагин отдал свою молодую жизнь.

Дорогой тов. Островский, Ваша книга научила нас, как нужно бороться за новую счастливую жизнь, как нужно побеждать трудности, как нужно отбрасывать мелочи личной жизни и драться за главное - за общее дело. В числе слушателей было 10 неграмотных и малограмотных, они бы еще не скоро прочли Вашу книгу. Ваша книга помогла им со всей остротой понять, что оставаться неграмотными они не могут и, подписывая Вам письмо, они дали слово ликвидировать свою неграмотность, и сейчас многие усиленно учатся.

Не обошлось, тов. Островский, и без слез, не все смогли вместе с Павкой спокойно переживать его борьбу с невзгодами, да и" трудно, очень трудно, дорогой тов. Островский, с улыбкой, как Павка, переносить удары и отвечать на них железным, стальным упорством большевика. Спасибо тебе, тов. Островский, за книгу, которая учит тому, какими* должны быть партийные и беспартийные большевики...

Прочитав Вашу книгу, мы с еще большим упорством будем драться за выполнение заданий партии и правительства, будем учиться сами и учить других. Вашу книгу, тов. Островский, сейчас большинство перечитывает вторично, ее сейчас читают по всему заводу и всякий' стремится ее прочесть, но книг у нас очень мало и попадает она не всем.

Желаем Вам, дорогой тов. Островский, дальнейших успехов в Вашей славной и нужной для нас всех работе, Ваши успехи будут нашими успехами!

С партийным, комсомольским и товарищеским приветом!

Руководитель коллективной читки - Завирохин. г. Пермь 1 апреля 1936 г.

БЫТЬ ТАКИМИ ЖЕ, КАК КОРЧАГИН

Николай Алексеевич!

30 января 1936 г. библиотека обувщиков провела конференцию читателей книги "Как закалялась сталь". Читательская конференция в нашем районе - это новая форма работы с читателем, и библиотека обувщиков оказалась пионером в этом деле.

При поддержке нашей местной газеты "Искра" читательские конференции войдут в практику всех библиотек Кунгурского района...

Эта конференция прошла несколько необычно;. Чтение отрывков из Вашего романа сопровождалось музыкальными номерами в исполнении духового оркестра и гармошки¹. Исполнены были: "Марсельеза", "Смело, товарищи, в ногу", "Слезами залит мир безбрежный" и Другие.

Такое сочетание отрывков из Вашего романа и музыки дает возможность читателям еще рельефнее представить все события, описанные в Вашей замечательной книге.

Спрос на Вашу книгу со стороны нашей молодежи велик. Желательно бы эту книгу видеть распространенной в десятках тысяч экземпляров.

Читатели-обувщики очень ценят Ваше произведений, внимательно рассматривают выставку, посвященную Вашей книге, долго всматриваются в Ваш огромный портрет, висящий в библиотеке, и при внимательном наблюдении чувствуешь, что в каждом загорается мысль: "Быть таким же, как Николай Островский!"

С сердечным товарищеским приветом - зав. библиотекой обувщиков Павлова.

г. Кунгур Март, 1936 г.

КНИГА УЧИТ, КНИГА ВЕДЕТ

Николай Алексеевич! Шлю Вам студенческий привет. Ваш роман "Как закалялась сталь" я прочел с таким интересом и увлечением, что не могу точно изложить это чувство на бумаге. Я от души влюблен в эту книгу. Она овладела всем моим существом.

Читая, я забывал не только о еде, но и о том., где я сижу и что делаю. Я был героем твоего романа - Павкой Корчагиным...

Главным и* самым ценным, Николай Алексеевич, в Вашей книге я считаю то, чего у меня не доставало в свое время, а именно - непоколебимая сила воли...

Ваше художественное произведение является непревзойденным по своему сюжету. Оно настолько живо и ярко отразило период гражданской войны и настолько картинно изобразило работу коммунистов и комсомольцев, что лучшего материала для изучения этого периода не требуется. Тяжело было мне в момент развязки узла. До глубины души переживал я вместе с героем, когда он, сраженный пулей, лежал на поле битвы. Невыразимым чувством жалости я был охвачен, когда последовала невозвратимая утрата - герой лишился зрения. Все это произвело на меня такое впечатление, что я в тот день словно все потерял...

Меня многому научила Ваша книга. Теперь я всегда буду последовательным и" решительным в своих поступках и постараюсь выработать из себя полезного человека для бесклассового социалистического общества.

Прожито много, но сделано по сравнению с Вами так мало, что мне становится нехорошо перед лицом нашей Родины. Когда я оправдаю это доверие? Этот вопрос я должен разрешить в ближайшие два года. Надеюсь, Николай Алексеевич, что это письмо послужит мне стимулом в дальнейшей работе...

Крепко жму Вашу руку, дорогой наш писатель Николай Алексеевич.

Студент 3-го курса химфака университета

Федор Усачев. г. Свердловск

21 мая 1936 г.

ВЫ-ПОБЕДИТЕЛЬ

Крепко жму Вашу левую руку, дорогой товарищ Островский!

Совсем недавно я почти со скандалом достал Вашу книгу "Как закалялась сталь" в нашем книжном магазине. Вначале я ее читал без отрыва и своей жене Ма-русе говорил: "Замечательно... здорово... интересно...", 2-ю же часть читал с перерывами. Не мог. Очень волновался, т. Островский! Какие у нас люди! А? Я часто читал в газетах о больном писателе Островском. Павел Корчагин - это Вы.

Я скажу Вам, почему я волновался. Я хотел быть художником. В 1930 году я поступил в Московский рабфак искусств. К весне 1930 года я сильно переутомился, нервы стали задавать "концерты". Врачи сказали: "Нервы и плохое сердце". Ходить мне было трудно. Больше всего был один, и я начал подумывать о самоубийстве. "Чем мучиться и жить так - лучше покончить": Я уже обдумывал, как это сделать. Случайно проезжавшая через Москву знакомая комсомолка Лида Бессерт захватила меня с собой и привезла больного домой. Через месяц я уже мог ходить. Осенью работал по ликвидации неграмотности, затем избачем. В 1933 году я работал учителем, завучем, а затем зав. школой колхозной молодежи, в то же время вел большую общественную работу (докладчик, редактор многотиражки). К весне снова от переутомления заболел.

Провалился целое лето, а к зиме стал себя чувствовать немного лучше. Стал работать, опять педагогом. вел всего 4 часа в неделю - больше не мог- В 1933 году у меня завязалась тесная связь с "Крестьянской газетой". Она печатала мои* карикатуры, письма. Редакция районной газеты "Знамя колхоза" перетащила меня к себе. Сейчас я работаю заместителем редактора...

Как сильно бьется пульс страны! Никак нельзя стоять в стороне! Никак!.. Ложусь я спать всегда с мыслью: "Завтра наша страна одержит новые победы". Встав утром, ке позавтракав, берусь за газеты. Через газеты и радио я каждый день знаю жизнь нашей замечательной страны. Раньше как было? Все, что касалось семьи", задевало членов этой семьи, а если что случилось за пределами, то это никого не трогало. А сейчас наша семья -- это весь СССР, это рабочий класс, коммунисты и комсомольцы за рубежом.

И все же я бываю иногда опечален, когда устаю и не могу успокоить нервы. Теперь Вам понятно, почему я волновался за Павла Корчагина. Когда жестокая болезнь начала гнуть Корчагина - того, кто так горячо любит жизнь и работу, - я волновался особенно. Но конец Вашей книги меня воскресил. Павел Корчагин, несмотря ни на что, стоит в рядах борющихся. Он победитель. Ваша книга вооружила меня бодростью, уверенностью и сознанием того, что я, несмотря на свою болезнь, тоже состою в рядах борющихся. В этом году я получил две премии и одну почетную грамоту - значит я не лишний, а нужный человек. А работа - это же высшее наслаждение!

С дружеским комсомольским приветом -

Сергей Варламов. пос. Саракташ, Оренбургской область.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ОСТРОВСКИЙ

СИБИРСКАЯ НАХОДКА

Украина... Побережье Черного моря... Москва., Вот, пожалуй, и все места, где приходилось жить Николаю Островскому.

Крупнейшая же находка последних лет - находка, имеющая самое прямое к нему отношение, - связана с Сибирью.

Речь идет о двух десятках писем Н. А. Островского к Марии Родкиной и ее мужу Ивану Пташинскому. Много лет спустя они обнаружили среди бумаг и книг новосибирского пенсионера Е. Я. Гатушкина.

Как они туда попали? Какими судьбами? Это еще предстоит выяснить. Важно то, что теперь все письма в руках исследователей...

С Марией Родкиной Островский повстречался на одном из трудных своих "перегонов" двадцатых годов: скорее всего, в Харькове.

(О судьбе Родкиной и ее мужа пока ничего неизвестно, потому-то так сложно it раскрыть обстоятельства их знакомства).

Из писем ясно одно: молодая партийка скоро завоевала симпатии Николая, и между ними возникла дружба. Прямо и' откровенно пишет Островский Марии о своих горестях и надеждах, тревогах и радостях. В дружбе он не терпит недомолвок, неискренности. И письма (большинство из них относится к 1925-1926 годам) убеждают в этом.

"Очень жаль, Муся, что мне не придется тебя видеть. Да и, может, больше никогда не увидимся. Все может быть. Кто знает - куда жизнь свернет. Только родился друг, славный товарищ, и опять нет. Разве может письмо к тебе передать все, что я хотел бы тебе на прощанье сказать, Муся? Знаешь, я тебе скажу-теперь самое тяжелое для меня время... Кто знает, выкарабкаемся ли мы из того окружения, что имеем... Муся, милый друг мо-й хороший, я одно хотел бы, чтобы ты верила, что я тебя считал и считаю родным, хорошим человеком. Точка! На черта, скажи, иметь друзей, чтобы потом они* уходили, а ты оставался один? Передай от меня привет Ване. Ты ведь будешь писать о всех твоих поворотах в жизни, Муся..."

Это написано в Славянске, 11 сентября 1925 года.

Тогда Островский еще и не помышлял взяться за литературный труд.

Но, думается, только человек, который способен на такую теплоту и сердечность в письме, мог впоследствии так душевно писать о дружбе, о товариществе на страницах своих замечательных романов.

Мучительно тяжело протекала борьба Островского за возвращение в строй. Он шел на все, лишь бы побороть болезнь. Он -иереносил невероятные страдания, лишь бы вырваться из когтей смерти.

"Грязи* было трудно терпеть, падал в обморок, но окончил. Сейчас измучился, нет сил..." (Славянск, 30 сентября 1925 г.).

"Мне сделали операцию правого колена, вырезали всю дрянь, располосовали все колена, а теперь я лежу и помаленьку начинаю приучаться движениям ноги. Есть надежда, что что-нибудь из этого получится. Посмотрим. О всем том, что я перенес, говорить неинтересно, во всяком случае - не стонал и не выл, это да, а держался как парень" (Харьков, 25 октября 1925 г.).

"Главное, важно, кто останется победителем - болезнь и'ли я. Я думаю, что я. Кто знает! Муся, я борюсь молча. Слышишь? Никто здесь не услышал от меня ни одного слова жалобы и не услышит никогда"! (В том же письме, но продолженном, вероятно, несколько дней СПУСТЯ).

"Я хожу уже на костылях, поправляюсь. Хотя еще хвороба вся не вышиблена, еще много операций. Скучно и тяжело порой, но все проходит..." (Харьков, 19 ноября 1925 г.).

"У меня, к сожалению, нет ничего светлого, чтобы я мог тебе похвалиться. У меня ко всей бузе бывшей прибавилось следующее: правая рука, которую я вывихнул в Славянске, срослась с плечом и теперь неподвижна. Это для меня очень тяжело, потому что отнимает последнюю возможность ходить, хоть на костылях. Теперь я лежу и не двигаюсь..." (Харьков. 13 февраля 1926 г.).

"Дела мои идут по нисходящей, вниз. Я куда слабее тех времен, как ты меня знаешь. Ходить я теперь и на костылях даже не могу. Точка. Лежу день и ночь в постели, не слазя. Руки в плечах срослись и не поднимаются, как одна, так и другая. Не могу сам даже зачесать волосы и т. д. В общем неладно. В моральном отношении* все по старому. Молча переносу боли... Но надо сказать, что такое непрерывное состояние, когда ни черта нельзя делать, меня иногда доводит до тупика..." (Харьков, 30 декабря 1926 г.).

Физические страдания неимоверны. Но Островский не может думать только о себе, не хочет быть в стороне от большой жизни партии, страны, от борьбы, которую ведут его товарищи.

Он забывает о собственном горе, когда видит, что в беду попал другой. Так получается и сразу по приезде его в Харьков, когда Островский встречает неизвестного ему Шурку - общего знакомого его и Родкиной. Письмо от 4 октября 1925 года:

"Шурка шатается без дела, безработный, ночует где попало, даже в сквере. Я ему говорил: чем ему помочь насчет работы? Он сам не знает, что делать".

Ничего Островский не шлет о своих хлопотах ради приятеля, но три недели спустя с удовольствием отмечает:

"Шурка к нашей общей радости работает истопником, получает 55 рублей денег, значит кончились его мотания. Может парень действительно станет на хорошую дорогу".

И еще не раз повторяется в письмах последующих: "Шурка работает". Своего подопечного он из виду не теряет...

С таким же упорством разоблачает Островский человека, который примазался к партии. Там же, в Харькове, он раскрывает истинное нутро проходимца Сизова:

"У него не оказалось ни партбилета, ничего. Какой-то переписчик контрольной комиссии. А в ЦК партии ездил, сукин сын, по моим документам... Да, мы все здорово ошиблись в нем, Муся" (13 февраля 1926 г.).

Измотанного болезнями, но духом не павшего, Островского радует рост близких ему людей, в которых он видит себе замену.

"Работает брат (речь идет о Дмитрие Алексеевиче Островском - Л. Б.) хорошо. Он теперь пред, горсовета Щепеторского. Будет за меня замена. Куц (он пишет о своем друге - Л. Б.) был здесь несколько дней назад. Плохо ходит на костылях, но занялся активной работой в КСМ, секретарь ячейки на селе. Славный паренья.

Это из того самого письма, где речь идет о Сизове. Как не напомнить, что тут же, говоря о своей жизни, Николай Алексеевич вынужден был сказать, что в ней "нет ничего светлого".

Коммунистическая идейность, коммунистическая стойкость духа помогли физически разгромленному Островскому вернуться в строй с новым оружием - пером писателя-коммуниста.

Среди найденных в Новосибирске нет писем за 1927-1933 годы. Между тем, переписка продолжалась, Мария Родкина и Иван Пташинский оставались близкими друзьями Островского.

Вторая пачка вновь открытых писем Николая Алексеевича переносит нас в 1934-1936 годы.

Старые товарищи помогают вновь родившемуся писателю добыть пишущую машинку. "Большое спасибо Мане за ее энергичное усилие, - пишет он, точнее диктует, 8 сентября 1934 года. - Маня в этих делах не превзойдена". Друзья принимают участие в решении жизненно важных для Островского пенсионных дел. К ним он обращается и по вопросам творческим.

"...Начал новую работу, только в большом затруднении нахожусь в связи с недостатком материала. Если* у тебя, Ваня, есть какие материалы и литература о борьбе с белополяками, вышли мне, буду благодарен" (Сочи!, 1 декабря 1934 года).

Родкина и Пташинский в курсе всего, чем заполнены дни Николая Островского. С ними он делится новостями литературными и житейскими, им пишет о планах.

Пишет... Если письма 1925-1926 годов написаны его рукой, то эти он сам писать не мог - диктовал своим добровольным помощникам.

"Хоть бы годочек настоящей силы, сколько полезного можно бы сделать... Да что говорить!" - восклицает Островский в мартовском письме 1935 года.

Здоровье к нему не вернулось. Но и в том, тридцать пятом, и в следующем, тридцать шестом,- до последнего дня своей жизни - он работал в полную меру "настоящей си*лы". По другому Николай Алексеевич жить и не мог.

...Да, чудесной находкой порадовала исследователей и всех друзей Николая Островского сестра Урала - Сибирь. Но оценить эту находку, этот клад в полной мере мы с вами сможем лишь тогда, когда пись'ма, приведенные здесь в отрывках, будут напечатаны полностью. Произойдет это, надо полагать, скоро...

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ П. ОСТРОВСКОГО

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫТЬ

Множество людей побывало у Николая Островского. Вполне понятен наш интерес к их рассказам. Музей Н. Островского в Сочи, музеи в Москве и Шепетовке сейчас проводят сбор воспоминаний тех, кому посчастливало лично знать писателя-бойца. Среди таких людей есть и уральцы.

В фондах Сочинского музея хранятся воспоминания Паши Ореховой, библиотекаря из Березников. Мы воспользовались ими и решили с небольшими сокращениями напечатать в нашей "Тетради Николая Островского".

Вот что рассказывает Прасковья Ивановна Орехова, наша землячка.

Когда я вспоминаю о встречах с Николаем Алексеевичем Островским, мною всегда овладевает глубокое волнение.

За многолетнюю свою работу в библиотеке я встречала немало людей с твердой, непреклонной волей, для которых труд являлся величайшим счастьем. Но такого человека, как Николай Алексеевич Островский, я встретила впервые, и эта встреча оставила во мне неизгладимый след на всю жизнь.

В 1934 году я отдыхала в Сочи. Отдыхая, много читала. Книги брала в городской библиотеке. Однажды заведующая библиотекой предложила мне прочитать книгу Н. Островского "Как закалялась сталь". В Березниках, откуда я приехала, этой книги еще не было.

Книга произвела на меня огромное впечатление. Какова же была моя радость, когда в библиотеке мне сказали, что автор живет в Сочи и я смогу с ним познакомиться.

С большим нетерпением ожидала я дня, когда литературный кружок, которым руководил Николай Алексеевич, соберется у него. Наконец этот день настал. Я очень волновалась. Но когда переступила порог дома, в котором жил Островский, и нас радушно встретили его мать и сестра, волнение улеглось. Сразу почувствовала, что попала в простую и приветливую семью.

Хорошо помню чувство шемящей жалости, которое охватило меня при виде неподвижно лежащего человека с большими, открытыми, но не видящими глазами. И помню также другое чувство, которое появилось, когда услышала его слова о радости жизни, о радости труда - я забыла, что передо мной тяжело больной.

Вскоре кружковцы поднялись, простились и стали расходиться. Но в это время член литературного кружка Анатолий Данилович Солдатов, обращаясь ко мне, сказал: "Товарищ из Березников, подождите немного, я познакомлю вас с Николаем Алексеевичем".

Он подвел меня к кровати, на которой лежал Островский, и сказал: "Коля, познакомься, этот товарищ с Урала, из Березников, библиотекарь". Николай Алексеевич пожал мне руку. И сколько приветливости, тепла было в его голосе, когда он сказал: "Здравствуйте, приветствую труженика культурного фронта. Ну вот, деловая часть кончена, теперь давайте, товарищи, веселиться. Будем петь песни, заводить патефон. Друг мой Анатолий хорошо поет, он нам что-нибудь споет". Начались рассказы, шутки, смех. Вели себя просто и непринужденно.

Когда прощались, Николай Алексеевич спросил у меня, долго ли я пробуду в Сочи. А узнав, что мне осталось быть здесь еще десять дней, взял слово, что буду приходить к нему каждый день.

- Я хочу знать все подробности о строительстве нового социалистического города, - сказал он.

Конечно, я с радостью согласилась. И в течение десяти дней ежедневно бывала у Николая Алексеевича* Просиживала у его кровати часами.

Его интересовало все. Строительство нового города. Как живут рабочие, как работают, кто лучший. Расспрашивал о молодежи. Как она осваивает профессии. Что читает, как учится. Интересовался работой библиотек. Вообще не было вопросов, которые бы его не волновали.

В свою очередь, он рассказывал мне о своей жизни*, о своих литературных замыслах, о людях, с которыми встречался, о книгах, им прочитанных. Рассказы были остроумные, увлекательные. Много было шуток, метких замечаний. Время проходило незаметно. Часто Николай Алексеевич говорил мне: "Ты не удивляйся, что я так жадно расспрашиваю тебя обо всем. Я больной и не могу поехать сам, чтобы увидеть своими глазами. Моя связь с внешним миром поддерживается через общение с вами, моими посетителями, через газеты и журналы, которые мне читают. А знать я хочу все, что делается у нас в Советском Союзе и во всем мире".

В доме Островских царил атмосфера взаимной нежной заботы. Николай Алексеевич часто справлялся у старушки-матери, вовремя ли она покушала, как отдохнула. И если в голосе матери он слышал усталость, сразу говорил: "Мама, иди отдохни*", нельзя быть целый день на ногах".

Мужественно перенося боли во всем теле, он старался скрыть свои страдания и от близких, и от окружающих его людей. Все уговаривал не уделять ему столько внимания и заботы...

Наступил день отъезда. Как не хотелось мне уезжать от этой прекрасной гостеприимной семьи! Но надо было ехать. Я считала себя обязанной сделать что-нибудь такое, чтобы Островский еще более почувствовал, как он дорог людям и* как дорого то, что он написал. В далеком городе Березники молодежь пока не читала его замечательную книгу - буду по приезде широко ее пропагандировать.

Прощаясь с Николаем Алексеевичем, сказала ему, что обязательно соберу отзывы заводской молодежи о книге не пришлю ему.

- Это будет для меня самым дорогим подарком, - сказал он с чувством.

Прощаясь, Николай Алексеевич взял с меня слово, что я приеду к ним отдыхать в следующий свой отпуск.

И вот я в Березниках. Полна ярких, волнующих впечатлений. В комитете комсомола нашего завода были очень деятельные комсомольцы тт. Пирожков, Котельников, Коршунова и другие. Я рассказала им о Николае Островском. Дала книгу "Как закалялась сталь", которую подарил мне Николай Алексеевич. В несколько дней книга была прочитана многими. На всех она произвела глубокое впечатление. И комсомольцы аммиачного завода решили написать Николаю Островскому письмо.

В ответ прибыло пламенное письмо Николая Алексеевича Островского (оно опубликовано и широко известно). А я получила по почте еще шесть экземпляров книги. Они передавались из рук в руки. Много было проведено комсомольцами коллективных чтоток. В праздник 1 Мая молодежь сделала большой макет книги "Как закалялась сталь" и несла его в своей колонне вместе с портретом Николая Островского.

Связь с семьей Н. А. Островского у меня не прекращалась. Несмотря на занятость и болезнь, Николай Алексеевич всегда отвечал на мои письма. Сестра его, Екатерина Алексеевна, с которой я тоже переписывалась, писала: "Написанное тобою о том, что книга хорошо читается, принесло Коле много радости. Он этим живет...".

В своих письмах семья Николая Алексеевича и* он сам повторяли приглашение приехать. И на следующее лето, в 1935 году, я снова поехала в Сочи.

Николай Алексеевич был очень занят работой над "Рожденными" бурей". С утра Александра Петровна, секретарь, печатала на машинке под его диктовку. Он отрывался от работы лишь для того, чтобы прослушать газеты и письма, которые получал со всех концов Советского Союза.

В силу своей занятости он не мог уделить мне столько времени, как прежде. Но в те минуты, когда Николай Алексеевич делал перерыв в работе, он звал меня к себе, спрашивал, как я отдыхаю у них, и извинялся, что не может уделить мне больше внимания, так как дня ему не хватает для книги.

Мы расстались большими друзьями. На прощанье Николай Алексеевич сказал, что не будет забывать Березники, просил передать молодежи, что ее наказ о скорейшем окончании книги он выполнит во что бы то ни стало.

Живым Николая Алексеевича больше мне видеть не пришлось. В 1936 году, в декабре, я была в Москве в тот день, когда Островского хоронили. Но он не умер - ни для меня, ни для всех советских людей.

Он живет в наших сердцах, мы с ним вместе строим, боремся и побеждаем!

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ОСТРОВСКОГО

БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ: ЗИНА ОСТРОВСКАЯ

Николай Алексеевич знал ее маленькой, смешной девчушкой. А она тогда и* не задумывалась, какой замечательный жизненный подвиг свершает этот неподвижный, прикованный к кровати человек - "дядя Коля".

Он и впрямь доводился ей дядей. И на фронте, кто бы ни узнавал о родственной близости Зины к писателю Островскому, каждый старался побольше выспросить о нем, побольше разузнать о его жизни.

Здесь, на войне, Зина Островская смогла по-настоящему оценить все величие духа автора вдохновляющих на подвиг романов "Как закалялась сталь" и "Рожденные бурей". Она стала их активнейшим пропагандистом среди советских воинов, вместе с которыми сражалась за победу над фашизмом.

Умелая радистка, отважная разведчица, племянница Николая Островского Зина погибла в самом конце войны - в феврале 1945 года. Ее боевые заслуги отмечены высокой наградой - орденом Отечественной войны первой степени. Запомните ее - о племянницу Николая Островского, человека, близкого по духу и самому писателю, и его героям,

ВАШ ВЕЧНО ЮНЫЙ ТОВАРИЩ

Слово Раисе Порфирьевне Островской

"Жива ли Тая Кюцам? Где она, что с ней?.."

Этот вопрос читатели романа "Как закалялась сталь" задают, пожалуй, особенно часто. Их интерес оправдан: речь идет о верной подруге Павла Корчагина...

Теперь прочтите фамилию Кюцам с конца.

Мацюк...

Это девичья фамилия Раисы Порфирьевны Островской, жены писателя. До недавнего времени она возглавляла музей-квартиру Н. А. Островского в Москве, а сейчас является персональным пенсионером.

Впрочем, и поныне каждый день и час своей жизни Раиса Порфирьевна посвящает Николаю Островскому.

На всех языках Издания произведений Н. Островского.

С особым вниманием слушает молодежь выступления той, которая рука об руку прошла с писателем через самые тяжелые - и самые счастливые - его годы.

Такие встречи придают сил и ей.

- В ряду многих встреч с молодежью я особенно ярко помню одну - на фронте, в 1942 году, - говорит боевая подруга Н. А. Островского. - В блиндаже собрались бойцы и' офицеры, которым на рассвете предстояло принять нелегкий бой за село, где окопался моторизованный полк фашистов.

Я рассказала солдатам о жизни Николая Алексеевича. Слушали они как-то по-особому сосредоточенно. А потом один молодой боец спрашивает:

- Скажите, были ли у Островского минуты, когда он чувствовал неудовлетворенность собой, жизнью или боялся смерти?

Я поняла, что у паренька, видимо, сложилось представление о писателе, как о сверхчеловеке, которому все нипочем. И вспомнила, как однажды, в 36-м году, вернулась с работы домой и нашла Николая необычно печальным, молчаливым. Расспрашиваю его, что с ним, тормошу. А он говорит грустно:

- Слышал я по радио - сегодня Мадрид бомбили". А меня они уже доканчивают. (Он иной раз называл свои болезни "фашистами").

Отговариваю его, уверяю, что все еще будет хорошо. Он усмехнулся на все мои" неловкие усилия и вздохнул:

- Я ведь не о том. Мне обидно, что я ухожу не расплатившись с главными долгами. И особенно перед молодежью: книгу-то мне, видно, не закончить. (Он имел в виду "Рожденные бурей").

Говорю я это солдатам и ви"жу, как разгораются глаза, руки сжимают автоматы. А тот паренек, что задал мне вопрос, встал и обратился ко всем, кто был в блиндаже:

- Слышали, ребята? Островский считал себя должником перед нами. Чтр же нам нужно сделать, чтобы считать себя чистыми перед следующим поколением?!

На другой день они ушли в бой. И многие кровью заплатили сво'й долг отцам и выдали великий авале всем, кто остался на земле...

- Откуда Островский черпал силы, чтобы превозмочь страдания, причиняемые болезнью?

- Этот вопрос мне задают часто. В таких случаях я напоминаю его слова: "Я органически, злобно ненавижу людей, которые под беспощадными ударами жизни начинают выть и кидаться в истерику по углам". Выдержка, стойкость - это уже от характера, от внутренней убежденности, что человек, а тем более коммунист, не имеет права усложнять жизнь окружающих, если с ним судьба обошлась жестоко. В этом было проявление его высокой человечности, гуманности*.

- Особенно это чувствовали его близкие...

- Да. Поэтому меня даже обижало сочувствие, которое пытались высказывать мне иные люди, мало знавшие Николая: "Вот, мол, тяжкая участь выпала женщине - быть сиделкой у больного мужа!" В таких случаях мне хотелось крикнуть: "Не жалейте вы нас, товарищи! Мы счастливы!" И это не рисовка, не поза. Представьте себе семью, в которой муж - умный, чуткий, тонкий человек - постоянно озабочен тем, чтобы его подруга была всегда в гуще жизненной бучи, чтобы она духовно росла, обрела свое подлинное место в ряду сражающихся, строящих сверстников-коммунистов, чтобы она вкусила всю радость сознания своей пользы людям. А кроме того, он никогда не забывает доставить ей маленькие житейские радости, помнит о ее вкусах и привычках. Как это важно и дорого каждой женщине! И потом, не было в нашем доме тяжелой атмосферы больного. Наоборот, вечный коловорот молодежи, веселые сборища, песни, шутки. Пока Николай мог, он играл на гитаре, а я пела. Позднее стала аккомпанировать я, он насвистывал веселые мотивы.

- Иной раз приходится слышать, как супруги ссорятся потому, что никто не хочет уступить в пустяках, поступиться мелочным самолюбием. И в результате - трагедия. В таких случаях мне хочется посоветовать ссорящимся: "Друзья, оцените спокойно свои поступки, ведь каждый из вас здесь воюет за утверждение своего маленького эгоистичного "я". Не поддавайтесь его предательскому голосу, подавляйте его. Ведь как говорил Островский: "Эгоист погибает раньше всего. Он живет в себе и для себя. И если исковеркано его "я", то ему нечем жить". Эти слова справедливы и в узколичном плане, и в наших общественных отношениях.

Беседа подходит к концу.

-г- Николаю Островскому, - говорит Раиса Пор-фирьевна, - было бы сейчас за шестьдесят. Сколько успел бы написать, сделать! Но хоть и прошло со дня его смерти три* десятилетия - он жив. Миллионы молодых считают его своим, вечно юным, товарищем. К молодым и обращаю я свой призыв:

- Дорогие друзья!

Мне хочется пожелать: не принимайте Павку Корчагина и" его создателя только как гранитный монумент стойкости, мужества, воли. Еще пристальнее приглядывайтесь к нему, подумайте над его жизнью. И вы откроете в нем для себя новые человеческие, душевные свойства. Он вам станет еще понятнее, доступнее, ближе.

ПО СЛЕДАМ НЕДОПИСАННЫХ СУДЕБ

Интервью дает А. П. Лазарева-секретарь писателя

Кого не взволновала судьба героев "Рожденных бурей"! И, закрывая книгу, каждый читатель с горечью думает о том, что ему не узнать уже, как сложилась жизнь Олеси и Андрия, что стало с Раймондом, Франциской, с юным Васильком. Роман остался недописанным: писатель умер на пороге напряженной работы над второй его частью.

Он любил своих героев, и жизнь их была ему известна до ко'нца. Может рассказывал об этом, делился с друзьями, с близкими?

- Рассказывал, и много, - говорит Александра Петровна Лазарева, бывший секретарь Николая Островского. А за'тем спрашивает: - Так о ком вы хотите спросить? Конкретно? Она начинает с Олеси. Не прост ее дальнейший путь.

Не задумываясь, обрезает девушка свои чудесные косы и, надев обмундирование кавалериста, становится отчаянным бойцом-рубакой. Во многих сражениях участвует она под началом комдива Щабеля.

В огне боев зарождается их любовь. Олеся согласна стать женой отважного командира, но... после освобождения Украины. Большое, чистое чувство помогает ей переносить все трудности походной жизни. И можно представить себе горе любящей девушки¹, когда она узнает, что Щабель

нарушил слово верности. Для него это только "случайность", для нее - измена, которой она не прощает.

После войны Олеся возвращается в родные места. Проходит какое-то время и туда же приезжает Андрий Птаха. Грозные события разлучили его с милой сердцу девушкой, но даже в самых сложных условиях не мог он забыть Олеси и невесть как долетевшая до него весть о любви ее к Щабелю принесла с собой душевные муки.

Геройски воевал Андрий с врагами¹, не было предела его храбрости, и в свой город он вернулся с боевым орденом - знаком высшей доблести. Но дорожке любых наград оказывается для него возможность встретиться с Олесей. Не сразу находят они счастье. Тем полнее оно, тем глубже...

- Николай Алексеевич особенно любил рассказывать об их дружной, во всем ладной жизни, - улыбается Александра Петровна.

- А каким он представлял себе путь Василька?

- В Васильке Островский видел самого себя - свое детство, свои юные годы. Так же, как автор "Рожденных бурей", его герой убежал в Красную Армию и стал любимцем кавалеристов. Андрей, конечно, очень тревожился о судьбе своего братишки. Встреча их представлялась Островскому так. Птаха получает задание немедленно Переправиться с группой бойцов через реку, но, подскочив к мосту, видит, что мост запружен проходящей кавалерийской частью. Как быть? Андрий решает не ждать и пойти напролом. С трудом прокладывает себе лихой воин путь вперед, как вдруг чувствует на спине нагайку. В гневе оборачивается, готовый отомстить обидчику, однако им оказывается... Василек. Встреча братьев была хоть и мимолетной, но радостной. А затем они* снова расстаются, теперь уже на годы. Василек навсегда связывает свою жизнь с Красной Армией, становится авиатором.

- Теперь, Александра Петровна, о Раймонде...

- О нем я могу сказать меньше: не все было ясно еще и самому автору. Одно не вызывало в нем сомнений: сын революционера рос революционером и никакие преграды, никакие трудности не могли заставить его свфнуть с этого пути.

- Большой симпатией Островского пользовался Леон Пшеничек, - продолжает А. П. Лазарева. - В самом начале гражданской войны он лишается ноги и выбывает из строя. Больно переживает Леон свою неполноценность. От горя забивается в глушь и начинает работать на водяной мельнице. Тут он встречается с Франциской, которая убежала от деспота-мужа. Но любовь Леона и* Франциски счастья им поначалу не приносит. Франциске сдается, что все ее жалеют: как же, связалась с безногим. Леон понимает состояние любимой. Он не удерживает ее, но уходит сам - на фронт. Сначала кашеварит, а затем становится пулеметчиком. Да еще каким! Только после войны происходит новая его встреча с Франциской: многое пережившие, возмужавшие, они приходят друг к другу, чтобы не разлучаться уже никогда.

-Несколько слов об образах врагов.

- Эдвард не должен был погибнуть на войне. "Было бы неправильным угробить Эдварда, - сказал мне как-То' Николай Алексеевич. - Пусть молодежь знает, что еще остаются в живых такие вот "эдварды" - враги опасные, беспринципные, непримиримые, готовые буквально на все, лишь бы вернуть свои поместья и капиталы. Пусть молодежь знает, что с ними еще предстоит жестокая схватка". А вот Казимиру и Владиславу Могельницким Островский уготовил смерть от руки тех, над кем они в свое'время жестоко издевались. Они гибнут как трусы. Что касается Людвиги, жены Эдварда, то она во многом прозревает, но... дальше разрыва с мужем не идет. Ее возмущения хавтает на то, чтобы уехать в Англию, бежать от страданий народа, от ужасов войны...

- О многом мечтал сказать Николай Островский во второй книге романа, - говорит Александра Петровна. - Его планам не суждено было осуществиться. Но уже первой своей частью "Рожденные бурей" навсегда вошли в золотой фонд советской литературы, завоевали (и завоевывают) миллионы читателей.

Заканчивая беседу, бывший секретарь писателя просила передать сердечный привет всем уральцам, которых Островский по праву считал своими искренними друзьями.

ЗАКРЫВАЯ ТЕТРАДЬ...

... вы и перелистали-прочли Тетрадь Николая-Островского...

КАЖДЫЙ, конечно, читал ее по своему. НЪ в одном сомневаться не приходится - равнодушных она не останется. Все, что-связано-с именем- автора "Как закалялась сталь" и "Рожденных бурей", сердцам нашим особенно до-рог-а.

А что, если такие тетради будут появляться и дальше?

Каждая последующая Тетрадь может появиться только как результат коллективного труда-поиска.

Вы убедились, как много наших земляков-уральцев писало Николаю Островскому. Близкие к нему люди говорят, что он старался - хотя бы коротко, но непременно - на все эти письма отвечать. Давайте такие письма-ответы поищем. Пойдем по адресам, которые указаны в прочитанной-Тетради, порасспросим комсомольцев тридцатых годов, пороемся в местных газетах 1933 - 1937 годов - наверняка найдется немало интересного.

Собрать все, что написано Н. А. Островским, - благородное дело и почетный долг перед его памятью. Представляете, как расширятся, насколько полнее и глубже могут стать с нашей помощью тома будущего собрания сочинений любимого писателя советской молодежи!

Еще не собраны воспоминания всех, кто знал Николая Островского в разные годы его жизни, бывал у него в Сочи или в Москве. Выступления некоторых вы могли слышать на пионерских сборах или комсомольских собраниях. Кто-то вспоминал о прошлом в мимолетном разговоре. О ком-то упомянули в газете. Не поленитесь отыскать таких людей, расспросить их, попросить (а, если надо, то и помочь) записать свои воспоминания. Упустишь время - может оказаться поздно...

А разве не важны, не дороги свидетельства первых читателей "Как закалялась сталь" и "Рожденных бурей", рассказы тех, кто встретился с этими книгами на фронте или в партизанском отряде., на дрейфующей льдине или в далекой экспедиции, воспоминания, реликвии корчагинцев военных и" мирных лет?

В каждой области есть десятки школьных, училищных, заводских музеев и уголков Н. Островского. Что ни год, то их больше и больше. Давайте подумаем: а не организовать ли нам соревнование на лучший общественный музей Николая Островского? С ежегодным подведением итогов не определением победителей, с премиями.- скажем, поездками на родину писателя, в мемориальные музеи Москвы или Сочи...

В добрый путь!

В новый поход!